

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(476)

Реализация информационной функции белорусских архивов в 1920–1930-х гг.

Михаил Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

Аннотация. В статье исследуется реализация информационной функции белорусских архивов в контексте происходившей в 1918–1920 гг. дискуссии о взаимоотношениях архивов с библиотеками и музеями, а также начавшейся с конца 1920-х гг. политизацией архивов, которая привела к ограничению доступа ко хранившимся в них документам. Инициатива известного российского историка-архивиста И.Л. Маяковского о широком вовлечении краеведов в архивное строительство, с которой он выступил на Первой всероссийской конференции архивных деятелей осенью 1921 г., была поддержана на проходившей в мае 1924 г. в Минске Первой всебелорусской конференции архивных работников, Втором совещании архивных работников Беларуси (декабрь 1927 г.). Большую роль в этом сыграли бывшие уполномоченные Главархива РСФСР по Могилевским и Витебским губам Д.И. Довгялло, Б.Р. Брежго, первый ректор открытого осенью 1922 г. в Минске Белорусского государственного университета В.И. Пичета, одновременно работавший в Главархиве России. Отмечается, что в отличие от России «наркомпросовский период» (1918–1920 гг.) в истории белорусских архивов почти не прослеживается ввиду особенностей национально-государственного строительства в Беларуси этого периода (оккупация Польшей ее западных регионов, включение Витебской и Могилевской губ. в состав РСФСР). Обращается внимание на деятельное участие Главархива России в оказании организационной, методической, кадровой, финансовой поддержки белорусским архивам. Указывается, что положения утвержденного 1 июня 1918 г. декрета «О реорганизации и централизации архивного дела

в РСФСР» легли в основу принятого 12 сентября 1922 г. «Положения о Центральном архиве ССРБ», знаменовавшего создание Государственной архивной службы Беларуси.

Ключевые слова: Архивы, музеи, библиотеки, Первая всебелорусская конференция архивных работников, Второе совещание архивных работников Беларуси, Положение о Центральном архиве ССРБ, Д.И. Довгялло, Б.Р. Брежго, Е.Ф. Карский, Д.Ф. Жилунович, А.Р. Иодко, И.Л. Маяковский, В.И. Пичета, Д.Б. Рязанов, М.Н. Покровский, С.Ф. Платонов

Exercising the information function of the Belarusian archives in 1920–1930s.

Mikhail F. Shumeiko

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, jesti@inbox.ru*

Abstract. The article studies exercising the information function of the Belarusian archives in the context of discussions about the relationship of archives with libraries and museums that took place in 1918–1920, as well as politicization of archives that started in the late 1920s, and led to the restriction of access to the documents stored there. The initiative of the famous Russian historian-archivist I.L. Mayakovsky on the wide involvement of local historians in the archival building, about which he spoke at the First All-Russian Conference of Archival Activists in the autumn of 1921, was supported at the First All-Belarusian Conference of Archival Workers held in Minsk in May 1924 and at the Second Meeting of Archival Workers of Belarus (December 1927). A large role in that was played by former commissioners of the Glavarhiv of RSFSR on Mogilev and Vitebsk provinces D.I. Dovgyallo, B.R. Brezhgo and the first rector of the Belarusian State University, opened in the fall of 1922 in Minsk, V.I. Picheta, who also worked in the Glavarhiv of Russia. It is noted that, in contrast to Russia, the “People’s Commissariat of Education period” (1918–1920) in the history of the Belarusian archives is hardly traceable due to the peculiarities of national-state building in Belarus of that period (the occupation of its western regions by Poland, the inclusion of the Vitebsk and Mogilev provinces into RSFSR). Attention is drawn to the active participation of the Glavarhiv of Russia in providing organizational, methodological, personnel, financial sup-

port to the Belarusian archives. It is stated that the clauses of the decree “On the reorganization and centralization of archival work in RSFSR” approved on June 1, 1918, formed the basis for the “Regulations of the Central Archive of SSRB” adopted on September 12, 1922, which marked the creation of the State Archival Service of Belarus.

Keywords: archives, museums, libraries, First All-Belarusian Conference of Archival Workers, Second Meeting of Archival Workers of Belarus, Regulations of the Central Archive of SSRB, D.I. Dovgiallo, B.R. Brezhgo, E.F. Karsky, D.F. Zhilunovich, A.R. Iodko, I.L. Mayakovsky, V.I. Picheta, D.B. Ryazanov, M.N. Pokrovsky, S.F. Platonov

Введение

Одной из важнейших функций архивов начиная с их возникновения является информационная, суть которой состоит в обеспечении человека, общества, государства необходимой им ретроспективной информацией, заключенной в сохраняемых архивами документах. Автор сознательно отошел от традиционно присутствовавшей в ранее действовавших нормативных правовых актах¹, прошлой учебной и научной литературе по архивоведению и архивному делу последовательности в перечислении пользователей информацией, выдвинув на первое место личность, а не государство. Именно человеку должен быть отдан приоритет при выборе основного потребителя архивной информации, идет ли речь о подготовке исторических исследований, либо затрагиваются иные вопросы, лежащие в социальной, правовой, имущественной сферах. Сегодня это положение стало своего рода аксиомой, не требующей доказательств. Однако так было не всегда. И с учетом данного обстоятельства представляется важным обратиться к периоду становления системы архивных учреждений, составивших отрасль деятельности, охватывающую вопросы организации документов в архивах и работы архивных организаций, именуемую архивным делом [1 с. 3].

Информационная функция архивов не может быть рассмотрена вне контекста ведущихся в 1918–1920-е гг. дискуссий о их взаимо-

¹ В ныне действующих Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь (Минск, 2006) на первое место уже поставлены интересы граждан, а затем – общества и государства (п. 2; с. 5).

отношениях с библиотеками и музеями, с одной стороны, и начавшейся их политизацией с приходом в 1921 г. к руководству Главархивом России М.Н. Покровского – с другой.

Как известно, созданный в июне 1918 г. орган по управлению Единым государственным архивным фондом – Главное управление архивным делом (Главархив), по настоянию его руководителя, видного ученого-марксиста, государственного деятеля Д.Б. Гольдендаха (Рязанова) (1870–1938), представлявшего, по мнению знавших его, «редкий среди большевиков тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других»², был включен в систему Наркомата просвещения советской России (Наркомпрос). Последнему были подчинены также библиотеки и музеи, информационная деятельность которых (особенно первых) всегда носила широкий характер. Важно подчеркнуть, что вначале даже предполагалось создаваемому органу подчинить не только архивные, но и библиотечные учреждения. Правда, наиболее дальновидные архивисты сразу же поняли ошибочность такого решения и с научной, и с практической-организационной точек зрения, ибо в основе архивного и библиотечного дела лежали «информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования» [2 с. 96, 3 с. 348].

Таким образом, ведомственная подчиненность архивов Наркомпросу как бы автоматически обеспечивала их публичность, доступность до хранившейся в них информации, способствуя тем самым реализации одной из важнейших функций архивов – информационной.

С отстранением в конце 1920 г. Д.Б. Рязанова от руководства архивным ведомством России и замещением его должности коллегией во главе с М.Н. Покровским, сразу же заявившим, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта, начинается новый этап в истории архивного строительства, для которого характерны политизация архивов и обусловленная ею закрытость последних. В конце 1921 г. Главархив России будет передан из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК; примерно тогда же произойдет и переподчинение созданного осенью 1920 г. при Наркомпросе России Истпарта (он будет передан в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела). Разумеется, аналогичные про-

² Благодаря политическому такту Рязанову удалось найти общий язык с не скрывавшим своих монархических убеждений выдающимся русским историком, академиком С.Ф. Платоновым, ставшим его заместителем по ГУАД.

цессы происходят и за пределами России, включая и провозглашенную 1 января 1919 г. Социалистическую Советскую Республику Белоруссию (ССРБ). При этом они опирались на принятое 10 января 1919 г. постановление ее Временного Рабоче-Крестьянского правительства о действии в республике законов РСФСР [4 с. 110].

1929 год стал «годом великого перелома» не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в архивном деле. Именно в этом году органами госбезопасности было сфабриковано так называемое «дело академика С.Ф. Платонова» (вариации названий «дело историков», «дело архивистов»), которое послужило сигналом для установления тотального контроля за содержащейся в архивных документах информацией путем взятия на учет архивным ведомством находившихся вне государственных архивов фондов и коллекций, ограничения доступа до многих собраний, хранившихся в государственных и ведомственных архивных учреждениях и т. п.

Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» 1931 г. послужило своего рода идеологическим обоснованием необходимости ограничения доступа до хранившейся в архивах ретроспективной информации. С учетом этих обстоятельств становятся понятными причины неуспеха предпринимавшихся государственными архивами Беларуси в 1930-е гг. попыток создания различного рода архивных справочников, путеводителей по архивам, издания архивного ежеквартальника, публикаций обзоров архивных фондов, описей и т. п., о чем будет идти речь далее.

Если же говорить о «наркомпросовском периоде» в истории архивного дела Беларуси, то он по известным причинам, обусловленным, прежде всего, особенностями национально-государственного строительства республики в первые пять лет ее существования, просматривается достаточно «туманно». В отошедших к РСФСР Витебской и Могилевской губ. архивная работа в 1919–1924 гг. велась так же, как и в других собственно российских губерниях: в соответствии с декретом СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)» от 31 марта 1919 г.

С учетом выше указанных особенностей государственного строительства того периода Главархив РСФСР пытался участвовать в создании сети архивных учреждений ССРБ. Такой вывод можно сделать из решения его коллегии, принятого через четыре месяца после провозглашения ССРБ, в мае 1919 г. В нем, в частности, говорилось:

Просить заслуженного профессора, члена Академии наук Ефима Федоровича Карского, Минск, Веселая ул., 26, принять на себя труд быть уполномоченным [Главархива РСФСР. – М. Ш.] по Минской губ., сообщив ему для сведения инструкции и циркуляры уполномоченного, с просьбой о согласии уведомить Главархив по телефону [5 с. 90].

Через пять месяцев после второго провозглашения независимости ССРБ, имевшего место 31 июля 1920 г. вследствие освобождения Минска от польских войск, 24 декабря 1920 г. работавший главным инспектором Главархива РСФСР В.И. Пичета, который через год станет ректором созданного в Минске Белорусского государственного университета, командировается российским архивным руководством в белорусскую столицу для организации там губернского архивного фонда [5 с. 91].

С созданием осенью 1922 г. республиканского Центрархива и утверждением 12 сентября 1922 г. Положения о Центральном архиве ССРБ белорусско-российские архивные отношения будут законодательно закреплены в последнем. В нем, в полном соответствии с декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», говорилось: «Все архивы правительственных учреждений Белоруссии как ведомственные учреждения и всякого рода актохранилища ликвидируются, и хранящиеся в них дела и документы образуют единый Государственный архивный фонд Белоруссии в лице Центрального архива Белоруссии, состоящего в административно-хозяйственном отношении в непосредственном ведении ЦИК Белоруссии.

В порядке научной работы Центрархив подчиняется распоряжениям Инспекции научных учреждений НКПБ, *в порядке технического управления архивами руководствуется инструкциями и указаниями Главного управления Центрархива при ВЦИК РСФСР* [выделено мною. – М. Ш.], с которым Центрархив Белоруссии по указанным техническим вопросам может сноситься непосредственно» [6 с. 18–19].

Уполномоченные Главархива РСФСР по Витебской и Могилевской губ. Б.Р. Брежго и Д.И. Довгялло вплоть до возвращения этих губерний весной 1924 г. в состав Беларуси принимали активное участие в архивной жизни России, проецируя впоследствии те или иные положения, обсуждавшиеся на архивных конференциях и съездах, делегатами которых они были, на белорусские реалии. В частности, представляет интерес участие Д.И. Довгялло в работе 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, прохо-

дившей 29 сентября – 3 октября 1921 г. в Москве. Некоторые из обсуждавшихся на ней вопросов с подачи Довгялло будут впоследствии рассмотрены на Первой Всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.), Втором совещании архивных работников (декабрь 1927 г.), найдут отражение в ряде его докладов и статей.

Дело в том, что на российской архивной конференции наряду с носившими официально-официозный характер выступлениями М.Н. Покровского, зав. научно-теоретическим отделом Главархива В.И. Пичеты, сугубо научным докладом академика М.М. Богословского и др. прозвучал и «диссидентский» по оценкам современных российских историков-архивистов [7 с. 32] доклад зав. научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Главархива И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей», вызвавший оживленную дискуссию среди участников конференции.

Что же всполошило в нем «коммунизированное» руководство Главархива в лице Покровского и его команды? На наш взгляд, как раз-таки содержавшиеся в докладе Маяковского предложения об обеспечении публичности, доступности информации, заключенной в документах архивов. А это, по его мнению, было возможно при установлении (или сохранении) существовавших генетических связей между выделившимися в отдельную отрасль архивами с оставшимися в ведении советского наркомпроса (прежнего министерства народного просвещения) библиотеками и музеями.

По мнению докладчика, деятельность этих трех родственных институций должна была быть согласована через образование междуведомственного совещания представителей архивов, библиотек и музеев, «создание высшего правомочного органа, объединяющего деятельность архивов, библиотеки музеев в отдельное самостоятельное ведомство» [8 с. 117]. Данное предложение, как нетрудно предположить, повторяло разрабатываемый еще при Д.Б. Рязанове проект «Положения о Главном управлении архивным и научно-книжным делом», который, как выше уже отмечалось, был отклонен летом 1918 г. С точки зрения нового, «коммунистического» руководства Главархива, данная идея не могла не оцениваться как своего рода рецидив действий «буржуазных» губернских ученых архивных комиссий, Союза (Общества) российских архивных деятелей, однозначно негативно воспринимавшихся М.Н. Покровским и К°. И тем не менее так же, как и на архивной конференции 1921 г., на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.) И.Л. Маяковский вновь повторяет изложение своих взглядов в

докладе «О взаимоотношениях между архивами, библиотеками и музеями» [9], оформленном затем в виде статьи «Архив, библиотека и музей» [10 с. 45–56, 11 с. 21–36]³. Архивное, библиотечное и музейное дело ученый призывал рассматривать как три составные части «наших культурных начинаний»; хотя при этом он понимал невозможность полного устранения «ведомственных трений» между заинтересованными учреждениями.

Лейтмотивом статьи И.Л. Маяковского являлось утверждение об общей цели архивов и библиотек, призванных сохранять письменные материалы в таком виде и в таких условиях, чтобы они «целесообразно функционировали». С другой стороны, он считал, что по своей цели музей ближе к архиву, нежели к библиотеке. «Если архив имеет своей целью хранение письменных первоисточников и их функционирование... то в музеях... собраны подлинные отражения жизни, т. е. те же первоисточники, но только вещественного характера» [11 с. 24]. Отсюда следовало, что «архивы, библиотеки и музеи должны спасать и собирать все исторические ценности... но не смешивать их спасение и собирание с распределением, которое должно производиться на основании только функционального разграничения этих учреждений» [11 с. 36].

Призывая к сотрудничеству в центре органа по управлению архивным делом с Главнаукой, Академией наук, библиотеками, музеями, И.Л. Маяковский полагал, что на местах краеведческие организации должны взять на себя часть работы по разбору и приведению в порядок архивных материалов, «чтобы они не лежали в архивах мертвым грузом, что до сих пор случается сплошь и рядом» [11 с. 30–36]. Им была даже подготовлена и опубликована на этот счет специальная статья «Об архивах, как одной из областей краеведческой работы» [12 с. 47–62], квалифицировавшаяся советским архивным руководством как «противодействие ленинскому декрету о реорганизации и централизации архивного дела» и сыгравшая впоследствии роковую роль в научной судьбе ученого⁴.

К сожалению, чрезмерная политизация архивов, насаждаемая руководством Центрархива России (а с 1929 г. и ЦАУ СССР) в лице М.Н. Покровского⁵, вела ко все большей их обособленности от библиотек и музеев, снижению и даже частичной утрате важнейших их функций – научно-информационной, источниковой и др. В условиях формирования командно-административной системы

³ Обстоятельная его характеристика содержится в книге современного российского историка-архивиста: [7 с. 34–39].

⁴ Подр. об этом см.: [7].

управления архивы превращались в закрытые или полузакрытые учреждения, призванные в первую очередь обслуживать запросы этой самой системы. Инспирированное в конце 1929 г. выше упомянувшееся «дело академика С.Ф. Платонова» имело своей целью не только сломить непокорную Академию наук, но и изъять из не архивных учреждений (рукописных отделов библиотек, отделов письменных источников музеев и др.) или взять на учет хранившиеся там важные в политическом отношении документы, которые, по мнению историков-конформистов, припрятавались от советской власти и сберегались «для ожидаемого ими монархического хозяина России» [13 с. 98]⁵. «Архивной истории» 1929 г. предшествовало принятие инициированных М.Н. Покровским декретов СНК и ВЦИК «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г.» от 2 августа 1923 г. и «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых» от 2 сентября 1923 г. [16].

Разумеется, в Беларуси эти документы были сразу же продублированы. 11 февраля 1924 г. Совнарком республики принял постановление «Об обязательной сдаче в Центральном архиве БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контрреволюции и т. д.» [6 с. 29–31]. В нем со ссылкой на имевшие место случаи «сокрытия или похищения документов, изобличающих злоупотребления над трудящимися БССР со стороны бывших русских царей, их слуг и сторонников, а также разных буржуазных и контрреволюционных властей, партий и организаций» предписывалось государственным учреждениям сдать в Центральный государственный архив БССР подобные материалы; что касается частных организаций и граждан, то они обязывались в двухнедельный срок заявить о наличии у них подобных материалов с тем, чтобы затем не позже чем через два месяца также сдать материалы

⁵ Об этом свидетельствуют названия докладов, с которыми М.Н. Покровский выступал перед слушателями архивных курсов, участниками съездов архивных деятелей РСФСР, – «Политическое значение архивов», «Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве», «Классовая борьба и идеологический фронт» и т. п.

⁶ Подр. об этом см.: [14 с. 324–339].

Заметим, что арестованному в декабре 1937 г. в Минске директору библиотеки БАН, бывшему до этого ученым секретарем Археографической комиссии Инбелкульта (БАН) Д.И. Довгялло вменяли в вину хранение «документа тайного архива нацменов [sic! – М. Ш.]» (подр. об этом см.: [15 с. 154]).

в канцелярию Центрархива. Лица, виновные в неисполнении постановления, подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 102-й Уголовного кодекса.

В конце 1929 г. начинается массовая акция по проверке Центральным архивным управлением Беларуси хранившихся в библиотеках и музеях, а также ведомственных архивах рукописных собраний с целью если не передачи их в архивные учреждения, то взятия на учет и под контроль. Так, по требованию архивного управления 19 декабря 1929 г. была получена из Белорусской академии наук опись дел предшественника академии – Института белорусской культуры (Инбелкульту) [17 л. 181–192]⁷. Получение ЦАУ БССР подобных сведений имело место и из других учреждений системы Наркомпроса республики.

9 декабря 1929 г. приказом руководителя Наркомпроса республики “у мэтах размярканьня функцый паміж Цэнтрархівам, Дзяржаўнай бібліятэкай і музеямі” под председательством заведующего ЦАУ БССР А.Р. Иодко, в апреле этого года в порядке «партийной мобилизации» сменившего ранее занимавшего этот пост Д.Ф. Жилуновича, обвинявшегося в т. н. национал-демократизме, была создана комиссия в составе директора Госбиблиотеки БССР И.Б. Симановского и научного сотрудника Белорусского государственного музея А.В. Бурдейко (директор музея В.Ю. Ластовский, также обвинявшийся в «национал-демократизме», к этому времени фактически был отстранен от руководства) с участием представителя Музея революции БССР [18 л. 43]⁸. Ей поручалось пересмотреть архивные, библиотечные и музейные фонды с целью распределения их по соответствующим учреждениям. При этом обращалось внимание на то, что “архіўныя матэрыялы павінны быць перададзены бібліятэкамі і музеямі Цэнтрархіву, а экспазіцыйна-архіўныя музейныя і бібліятэчныя фонды павінны заставацца ў музеях і бібліятэках пры згодзе на гэта Цэнтрархіву і прыумове ўзяцця іх на вучот” [18 л. 43]. Комиссия должна была завершить работу до 10 января 1930 г., представив “свае меркаваньні ў Галоўнавуку на зацьверджаньне”.

⁷ В данном случае можно сказать: «нет худа без добра»: благодаря присылке описи архива Инбелкульту известно о составе последнего. Сегодня его фонд в ЦНА НАНБ составляет 38 дел, между тем как в описи 1929 г. значится более 300 дел.

⁸ По протоколам заседаний этой комиссии видно, что предназначавшийся для выполнения функций политцензора представитель Музея революции не участвовал в работе комиссии.

В результате на состоявшемся 22 декабря 1929 г. заседании комиссии было принято Положение о распределении функций между органами ЦАУ, Белгосбиблиотекой и белорусскими государственными музеями и распределении между ними архивных, библиотечных и музейных материалов. Оно состояло из трех разделов, определявших объекты комплектования соответствующих трех институций.

Опираясь на выше упоминавшееся постановление СНК БССР «Об обязательной сдаче в Центрархив БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контрреволюции и т. д.» от 11 февраля 1924 г., а также положения о ЕГАФ БССР и ЦАУ БССР, утвержденные соответственно 8 мая 1927 г. и 8 декабря 1927 г., Положение 1929 г. обязывало все библиотеки, музеи, научные и другие учреждения, подчиненные Наркомпросу, сдать органам Центрархива все хранившиеся у них архивные материалы и отдельные документы, независимо от того, каким образом они туда поступили. Материалы, необходимые для текущей научно-исследовательской и экспозиционной работы музейных и библиотечных учреждений, могли быть оставлены в последних.

С другой стороны, передаче в Госбиблиотеку республики подлежали наряду с книжными собраниями, ликвидированными библиотеками, складами печатных изданий и поступившие в архивы книжные собрания или библиотеки учреждений, чьи архивные фонды были переданы туда в свое время. Объектами комплектования Госбиблиотеки республики являлись и

Старадрукаваныя кнігі, а таксама рукапісны матарыял, які мае кніжную апрацоўку і афармленьне, г.зн. індыўдуальныя творы пісьменства ті навукі і навогул матарыял апрацаваны для грамадскага карыстання ў тым ліку жыццяпісы, апрача летапісаў, хронік, стаўбцоў, інвентароў і т. е. [18 л. 39].

Важным, на наш взгляд, представлялось принятое дополнение к положению, своего рода «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями. Последние брали на себя обязательства на основе взаимопомощи наладить дальнейшее выявление, собирание и обработку соответствующих материалов путем организации и проведения совместных экспедиций и командировок, взаимной информации о возможных источниках пополнения соответствующими материалами тех или иных учреждений. Не был забыт и один из основополагающих принципов недробимости архивных (музейных, библиотечных) фондов:

У выпадку, калі у тую ці іншую установу трапіць хаця бпа прыналежнасці частка матарыялаў, якая разьбівае цельнасьць калекцыі, якая знаходзіцца ў другой установе, гэта частка павінна быць перададзена у мейсца захоўваньня асноўнай калекцыі згодна вызначанай у палажэньні спецыялізацыі [18 л. 40].

Библиотека брала на себя обязательства по оказанию помощи архивам и музеям в комплектовании их библиотек путем передачи в них дублетных экземпляров, остатков «обязательных экземпляров» и т. д.

К сожалению, в значительной части этот «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями так и остался своего рода «декларацией о намерениях», и не более того.

Возвращаясь к первым шагам в истории архивного строительства в Беларуси, отметим, что вопросы реализации архивами информационной функции поднимались уже на Первой всебелорусской конференции архивных работников в мае 1924 г. Они затрагивались в докладах инспектора Наркомата РКИ Я.Г. Ракова «Делопроизводство и текущие архивы в наркоматах и учреждениях Беларуси и способы их улучшения по программе НОТ», исполнявшего обязанности заведующего Могилевским губернским архивом Д.И. Довгялло «Составление архивных описей», бывшего зав. Витебским губернским архивом Б.Р. Брежго «Сдача, прием, размещение и хранение архивных материалов в Белоруссии».

Характер дискуссий по всем трем докладам свидетельствует, что наших предшественников 90 лет тому назад, как и нас сегодня, волновали прежде всего вопросы уровня описания информации, заключенной в документах, как на этапе их оперативного функционирования, так и, пользуясь терминологией нашего российского коллеги, находившихся в «состоянии покоя». Сторонник карточной системы регистрации и учета документов в текущем делопроизводстве Я.Г. Раков полагал, что применяемая исключительно в библиотечной сфере система может быть использована и в архивном деле. По его мнению, «Прымяненьне гэтай сістэмы ўнясе ў архіўную справу парадак і стройнасьць і значна скараціць працу па адбору і сарціроўцы» [19 с. 31].

Допуская возможность применения карточной системы описания, Д.И. Довгялло полагал целесообразным делать это лишь на уровне фонда, предлагая одновременно, «чтобы в описях мы тронулись с прежде установленных описей, которые нас запутывали» [19 с. 33]. Позицию Довгялло разделял и зав. архивом Ви-

тебского высшего педагогического института, известный краевед В.Г. Краснянский. Зам. руководителя Центрархива М.В. Мелешко считал, что «мы не будзем мець магчымасьці задавальняць свае патрабаваньні, пакуль ня прыойдзем на апісаньня архіваў па картачнай сыстэме» [19 с. 33].

Ему возражал Б.Р. Брежго, полагая, что составление описей по карточной системе вряд ли достигнет ожидаемых результатов. «Нам, – говорил он, – придется долгое время пользоваться теми описями, по которым нам сдают в архив дела свои учреждения. Архив – не библиотека, где каждая книга не связана друг с другом» [19 с. 33].

С целью повышения информационного уровня создаваемого архивами научно-справочного аппарата Брежго предлагал составлять внутренние описи к делам, принимаемым на постоянное хранение (он называл их «частными описями к бумагам, находящимся в деле»). «В этой описи, – подчеркивал он, – должно быть точно указано содержание каждой отдельной бумаги. Она должна быть подписана секретарем учреждения и лицом, подготовившим дело к сдаче в архив. Частная опись должна иметь заголовок: “Опись бумагам, находящимся в деле такого-то учреждения, за такой-то год, номер” и графа: “номер по порядку”, “содержание бумаги” и “на каком листе бумаги находится”» [19 с. 100]. Его позицию не разделял Д.И. Довгялло, считавший, что это затруднит передачу учреждениями дел в архив.

В итоге конференция поручила Брежго и Довгялло пересмотреть действовавшую инструкцию о составлении описей дел в учреждениях, а руководству Центрархива – утвердить ее и распространить по всей республике. Было также принято решение о целесообразности разработки вопроса о переходе на карточную систему и в качестве опыта предлагалось сделать это на одном из фондов Центрархива.

Д.И. Довгялло в качестве основы описания считал возможным использовать разработанную и утвержденную 3 июля 1922 г. Коллегией Главархива России форму описи, дополнив ее графой, в которой бы помещалась отметка по десятичной системе, к какому разряду относится включенное в опись дело. Одновременно он, как и проф. А.Е. Пресняков в Петрограде, полагал «необходимым иметь еще краткое исчерпывающее описание каждого фонда».

Выступавший в дискуссии по докладу В.И. Пичета, исходя из реального положения дел (дать как можно быстрее возможность лицам, работающим в архиве, разбираться в массе архивных документов), предлагал со своей стороны «составление краткого

формуляра; научно же описывать в данный момент необходимо только лишь самые древние документы с величайшей точностью» [19 с. 37].

Выступая с заключительным словом, Довгялло отмечал: «Наша опись не будет по форме тех описей; скорее, она будет просто служить путеводителем к тому фонду, к которому приступает данное лицо к работе. Что же касается архивов революционных, то они будут жить пока теми описями, по которым они сдаются в архив. А мы должны составить опись для старых архивов, и я считаю предложенную мною форму практически потребной» [19 с. 37].

Обсуждение вопроса о необходимости активизации информационной деятельности архивов было продолжено и на Втором совещании архивных работников, состоявшемся в декабре 1927 г., несмотря на то, что в отличие от Первой архивной конференции в повестке дня работы совещания не было специального доклада на эту тему. Отметим, что работа самого совещания прошла под знаком, с одной стороны, принятого 28 мая 1927 г. Положения о Едином государственном архивном фонде БССР, законодательно закрепившего фактически существовавший уже с 1923 г. в структуре Минского исторического архива Центральный архив Октябрьской революции БССР, с другой – достигнутого своего пика развития краеведческого движения в республике.

В выступлениях многих участников совещания содержались предложения об усовершенствовании разработки научно-справочного аппарата архивов, издании специального бюллетеня ЦАУ БССР и др. Так, ст. архивист Минского исторического архива М.А. Вахаев обращал внимание коллег на крайне низкий информационный уровень карточек, присылаемых архивными учреждениями в Центрархив, и призывал к составлению хороших инвентарных описей, а в последующем – центральной картотеки. Зав. Бобруйским окружным архивом П.Я. Тараймович говорил:

ужо можна падумаць аб выданні інвэнтарных вопісаў на маючы гістарычны матар’ял, што дасяць мажлівасць дасьледчыку азнаеміцца з апошнім. Гэтыя опісі патрэбны ў практычнам карыстанні, так як часта зварочваюцца за выдачай справак, а мы ня ведаем, ці есьць гэтакі архматар’ял у гістархівах [20 с. 19].

На совещании не без влияния, как нам представляется, выше упоминавшихся положений докладов и статей И.Л. Маяковского был поднят вопрос о взаимодействии архивных учреждений с ист-партотделами ЦК КП(б)Б, библиотечными и музейными учрежде-

ниями, а также краеведческими организациями. С докладом на эту тему выступал М.В. Мелешко⁹.

В принятой по его докладу резолюции подчеркивалась необходимость установления архивными учреждениями на местах более тесной связи с краеведческими организациями, привлечения краеведов к разработке архивов с целью концентрации последних в окружных хранилищах. Совещание пока еще оставляло за музейными и библиотечными учреждениями право хранения архивных фондов и коллекций. Более того, архивные учреждения были готовы передавать им те архивные материалы, «якія не абавязков захоўваць у архіўных установах» [20 с. 33].

Совершенно в духе выше упоминавшейся «диссидентской» статьи И.Л. Маяковского «Архивы как одна из областей краеведческой работы» Д.И. Довгялло предлагал не спешить с концентрацией материалов дореволюционных архивов в исторических архивах. «Добра было бix захоўваць на месцах, – говорил он, – паступова і па меры магчымасьці выкарыстоўваю мясцовымі працаўнікамі-краязнаўцамі» [20 с. 15].

Однако эти пожелания так и останутся нереализованными в силу обстоятельств, о которых шла речь выше. Это совещание, на наш взгляд, стало последним научным форумом белорусских архивистов, на котором еще был возможен плюрализм мнений его участников. Для последующих совещаний характерным станет жесткое регламентирование обсуждаемых вопросов, узкий состав участников (в основном – руководящие работники архивных учреждений).

Разумеется, в подобных условиях не могла быть реализована информационная функция архивов. Рассматривая архивы в качестве «острого политического и идеологического оружия», партийное руководство республики негативно реагировало на любые попытки белорусских архивистов сделать более доступным информационный потенциал, заключенный в сохраняемых ими документах. Такой вывод можно сделать, исходя из обращения А.Р. Иодко в начале 1930-х гг. в Президиум ЦИК БССР с инициативой издания ежеквартальника «Архіў Савецкай Беларусі», публикации обзоров архивных фондов, каталогов, архивных описей и т. п. Эта инициатива, оформленная в виде докладной записки, прежде чем попасть

⁹ Текст доклада М.В. Мелешко отсутствует среди материалов совещания, однако мы предполагаем, что основные его положения были изложены автором в статье «Краязнаўства і архівы Беларусі», опубликованной в № 11 журнала «Наш край» за 1927 год.

туда, куда была адресована, побывала в Культпропе ЦК КП(б)Б, чиновник которого оставил на ней свою резолюцию «о немэтазгоднасці выдання». После нее высшее должностное лицо республики – А.Г. Червяков – вынужден был согласиться с мнением партийного клерка [21 л. 18–21].

В конце 1930-х гг. информационная деятельность государственных и партийных архивов приобретает достаточно узкую направленность, прежде всего – на обеспечение соответствующей информацией вышестоящие партийные и государственные органы. Здесь мы имеем в виду начавшуюся с 1935 г. по всей стране, включая Беларусь, проверку партийных документов¹⁰, а также соответствующую работу по выявлению «контрреволюционного элемента» в Западной Беларуси, которая была начата после 17 сентября 1939 г. Разумеется, в этих условиях для реализации научно-информационной функции архивов не оставалось ни места, ни времени.

Литература

1. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. ГОСТ 16487-70. Издание официальное. М.: Госкомстандарт Совета Министров СССР, 1970.
2. *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М.: РГГУ, 2007. 171 с.
3. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
4. По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ: Документы и материалы / сост. М.Ф. Шумейко и др. Мн.: Беларусь, 1988. 256 с.
5. *Шумейко М.Ф.* Университет и Центрархив: история взаимоотношений // Архивы и делопроизводство. 2016. № 6. С. 89–97.
6. Архивное дело в БССР (1918–1968). Сборник законодательных и руководящих документов. Минск: Польша, 1972. 142 с.
7. *Хорхордина Т.И.* «Неизвестный» И.Л. Маяковский (1878–1954). М.: РГГУ, 2001. 96 с.
8. *Покровский М.Н.* Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва. 29 сен. – 3 окт. 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–126.
9. Протоколы 1 съезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 г. М., 1926.

¹⁰ Объем справочной работы был так велик, что ЦК КП(б)Б в июле 1935 г. вынужден был даже принять специальное постановление «О помощи Могилевскому партархиву в связи с проверкой партдокументов» [22 л. 56].

10. Архивное дело. 1926. Вып. V–VI.
11. Архивное дело. 1926. Вып. VII.
12. Краеведение. 1927. № 1.
13. *Зайдель С.Г., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. 232 с.
14. *Брачев В.С.* Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. 762 с.
15. *Шумейко М.Ф.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск, 2002.
16. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1923. № 72. Ст. 703; № 76. Ст. 740.
17. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 287.
18. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 297.
19. Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. Док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 1999.
20. Второе совещание архивных работников Беларуси 19–24 декабря 1927 г. Док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 2001.
21. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2848.
22. НАРБ.Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 7747.

References

1. Records management and archival work. Terms and definitions. GOST 16487-70. Official publication. Moscow: Goskomstandart Soveta Ministrov SSSR Publ.; 1970. (In Russ.)
2. Starostin YV., Khorkhordina TI. Archives and Revolution. Moscow: RGGU Publ.; 2007. 171 p. (In Russ.)
3. Avtokratov VN. Theoretical issues of the national archivistics. Moscow: RGGU Publ.; 2001. 396 p. (In Russ.)
4. Shumeiko MF, comp. By the will of the people: From the history of the formation of BSSR and creation of the Communist Party of Belarus: Documents and materials. Minsk: Belarus' Publ.; 1988. 256 p. (In Russ.)
5. Shumeiko MF. University and Central Archive. History of relations. *Arhivny i deloproizvodstvo*. 2016;6:89-97. (In Russ.)
6. Archival work in BSSR (1918–1968). Collection of legislative and regulatory documents. Minsk: Polymya Publ.; 1972. 142 p. (In Russ.)
7. Khorkhordina NI. “Unknown” I.L. Mayakovsky (1878–1954). RGGU Publ.; 2001. 96 p. (In Russ.)
8. Pokrovskii MN. The All-Russian Conference of Archival Activists. Moscow. Sept. 29 – Oct. 3 1921. *Arhivnoye Delo*. 1923;1:102-126. (In Russ.)
9. Minutes of the I Congress of Archival Activists of RSFSR. March 14–19, 1925. Moscow, 1926. (In Russ.)

10. Archivnoye Delo 1926. Vol. 5-6. (In Russ.)
11. Arhivnoye Delo 1926. Vol. 7. (In Russ.)
12. Krayevedeniye. 1927. Vol. 1. (In Russ.)
13. Zaidel SG., Tsvibak MM. Class enemy at the historical front. Moscow; Lenin-grad, 1931. 232 p. (In Russ.)
14. Brachev VS. Servants of the historical science. Academician S.F. Platonov, Professor I.Y. Froyanov. Sankt-Peterburg, 2010. 762 p. (In Russ.)
15. Shumeiko MF. Archivist and archaeographer Dmitry Ivanovich Dovgiallo. Minsk, 2002. (In Russ.)
16. Collection of legal acts and orders of the workers' and peasants' government. Moscow, 1923. № 72. Art. 703; № 76. Art. 740. (In Russ.)
17. National archives of The Republic of Belarus (NARB). Fond 249. Opis' 1. Delo 287.
18. NARB. Fond 249. Opis' 1. Delo 297.
19. The First All-Belarusian Conference of Archival Workers. May 12–15, 1924. Documents and proceedings. Minsk: BelNIIDAD Publ.; 1999. (In Russ.)
20. The Second Meeting of Archival Workers of Belarus. Dec. 19–24, 1927. Documents and proceedings. Minsk; BelNIIDAD Publ.; 2001. (In Russ.)
21. NARB. Fond 6. Opis' 1. Delo 2848.
22. NARB. Fond 4p. Opis' 1. Delo 7747.

Информация об авторе

Михаил Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Республика Беларусь, Минск, 220030, пр. Независимости, 4; jesti@inbox.ru

Information about the author

Mikhail F. Shumeiko, PhD in History, associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Republic of Belarus, Minsk, av. Nezavisimosty, bld. 4, 220030; jest@inbox.ru